

ПОРТРЕТЫ ДЕЯТЕЛЕЙ ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ

А.Я.Лурье

М.: госполитиздат. 1956

Веб-публикация: Vive Liberta, 2010

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Содержание

Введение В.С.Алексеева-Попова

Луи Эжен Варлен

Лео Франкель

Огюст Серрайе

Теофиль Шарль Ферре

Рауль Риго

Гюстав Флуранс

Шарль Делеклюз

Луиза Мишель

Ярослав Домбровский

Валерий Врублевский

Елизавета Дмитриева

Анна Корвин-Круковская

Документы, исследования, публицистику,
посвященные Парижской коммуне 1871 года и отдельным ее деятелям,
можно читать и скачивать здесь, в специальном разделе нашей библиотеки:

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

а также

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64478563.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p70661197.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p72861790.htm>

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p81555317.htm>

а также

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/folk_1.htm#commune

а также

http://community.livejournal.com/znanic_vlast/

а также

<http://politazbuka.ru/>

ШАРЛЬ ДЕЛЕКЛЮЗ

(1809—1871)

Строгая фигура стойкого революционера Шарля Делеклюза принадлежит к числу наиболее привлекательных образов мелкобуржуазных демократов, перешедших на сторону Коммуны.

Шарль Делеклюз родился 2 октября 1809 г. в Дрэ, маленьком французском городке, раскинувшемся в долине реки Блэз¹.

Сын инвалида — сержанта времён Первой империи, Шарль Делеклюз учился сперва в коллеже, потом на юридическом факультете. Закончить образование ему не удалось, так как он вынужден был из-за бедности родителей поступить на службу клерком к одному адвокату. Делеклюз в детстве не раз слышал от отца рассказы об его прошлом — и в мальчике тогда уже зародилось чувство преклонения перед людьми Конвента, особенно перед якобинцами, восторженным почитателем которых он остался до конца своей жизни.

В ноябре 1830 г., узнав о народных волнениях в Париже, 20-летний Шарль покинул родной город и направился в столицу.

Под давлением народных масс король Луи Филипп был вынужден отказаться от нескольких реакционных министров и даже предать их суду. Во время суда над

¹ *Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze. 1809—1871, Paris 1952, p. 9.*

министрами возбуждение в народе достигло высокой степени; революционеры требовали их казни. Процесс министров начался 15 декабря 1830 г., а 22 декабря пришлось поставить на ноги парижскую Национальную гвардию и весь парижский гарнизон, так как народ открыто выражал своё возмущение приговором, по которому министры осуждались на вечное тюремное заключение.

В волнениях принимал участие и молодой Делеклюз, который был при этом ранен камнем.

Приехав в Париж, Шарль Делеклюз вступил в тайное республиканское общество «Друзей народа». Боевое крещение Делеклюз получил на баррикадах у монастыря Сен-Мерри (5—6 июня 1832 г.). На этот раз выступление парижских рабочих было связано с похоронами генерала Ламарка¹. В апреле 1834 г. Делеклюз собрался защищать баррикады на улице Транснонен, но был арестован и некоторое время просидел в тюрьме. Очутившись на воле, Делеклюз был скоро вновь привлечён к суду по обвинению в том, что участвовал в покушении на жизнь короля Луи Филиппа. Преследуемый полицией, он вынужден был в 1836 г. эмигрировать в Бельгию и только шесть лет спустя смог вернуться на родину. По возвращении он становится во главе провинциальной (валансьенской) газеты «L'Impartial du Nord» («Беспартийная газета Севера»). На страницах этого республиканского буржуазно-демократического органа Делеклюз энергично атаковал правительство Луи Филиппа и в числе первых потребовал избирательной реформы.

В результате революции 1848 г. к власти в феврале пришли политические единомышленники и друзья Делеклюза (мелкобуржуазные республиканцы). Делеклюз был назначен генеральным комиссаром северных департаментов республики и поселился в Лилле. Его популярности повредил так называемый инцидент «Riscons-tout». После февральской революции бельгийские эмигранты-республиканцы, находившиеся в Париже, создали волонтёрский отряд с намерением проникнуть через французскую границу в Бельгию, поднять революционное движение и

свергнуть монархию. Они требовали, чтобы республиканское правительство Франции открыто поддержало их, но встретили отказ. Правительство (Ледрю-Роллэн и др.) заявило, что сочувствует им, но помощь оружием, продовольствием и т. д. может оказать только неофициально. Делеклюз, как комиссар северных департаментов республики, оказывал известную помощь бельгийским повстанцам.

Когда бельгийские волонтёры перешли границу близ деревушки под названием Рискон-ту («Riscons-tout», то есть «риснём всем»), то очутились среди бельгийских штыков. Бельгийское правительство самым безжалостным образом расправилось с кучкой отважных энтузиастов-республиканцев.

История с «Riscons-tout» взволновала общественное мнение и восстановила многих как против правительства (которое фактически предало своих единомышленников), так и против Делеклюза. На выборах в Учредительное собрание Делеклюз получил ничтожное количество голосов, вышел в отставку и вернулся к журналистской деятельности.

В первом номере основанной им в ноябре 1848 г. газеты «La Révolution démocratique et sociale» («Демократическая и социальная революция») Делеклюз писал: «Демократия—путь, который должен нас вести к социальным реформам. Будем же республиканцами и демократами, чтобы стать социалистами!». Однако социализм для Делеклюза был понятием неопределённым. «Социализм — не что иное, как республика в действии»¹, — писал он.

Газета Делеклюза постоянно выступала против правительства буржуазных республиканцев, пришедших к власти. Как поясняет Маркс, мелкая буржуазия после июньских дней 1848 г. почувствовала, что удар окрепшей реакции направляется и против неё, что экономическое положение её становится неустойчивым. Этим-то и следует объяснить внезапное полевение и сближение с рабочими мелкобуржуазных республиканцев².

За одну из ярких и обличающих правительство статей, опубликованных в марте 1849 г., Делеклюз был присуж-

¹ Ламарк, Максимилиан (1770—1832) — политический деятель, член оппозиции в палате депутатов. Его похороны послужили поводом к грандиозной народной манифестации, закончившейся сооружением баррикад и столкновением с войсками.

¹ См. П. Л. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 36.

² См. К. Маркс, Ф. Энгельс, Избранные произведения, т. I, стр. 237.

дён к году тюрьмы и тысяче франков штрафа. Несколько месяцев спустя последовал новый приговор — 3 года тюрьмы и 11 тысяч франков штрафа — за статью, восхвалявшую Нурри, убившего реакционного генерала Брэа во время июньских боёв 1848 г.

11 июня 1849 г., когда были получены известия о событиях в Риме¹, демократическая партия Горы сделала довольно робкую попытку сопротивления президенту Луи Наполеону.

Выступая 11 июня в Законодательном собрании и ссылаясь на V статью французской конституции («Французская республика уважает иностранные национальности... и никогда не употребит своих военных сил против свободы какого бы то ни было народа»), Ледрю-Роллэн от имени Горы требовал предания суду президента и его министров за нарушение конституции — за насилие над Римской республикой.

В связи с событиями в Риме Делеклюз писал 12 июня в своей газете:

«Жребий брошен! Весь Париж откликнется, как в июле и феврале, на призыв Ледрю-Роллэна от имени Горы и всей Франции! ...Пусть во всех концах Франции поднимутся все честные граждане!».

«Пусть Гора не теряет ни мгновения! Пусть она объявит Бонапарта и его министров вне закона!.. Пусть Республика возродится путём грандиозного усилия и одержит в Париже последнюю победу над деспотизмом!.. Пусть от края до края все добрые граждане Франции восстанут... Сигнал им будет дан завтра — манифестом Горы!».

13 июня газета Делеклюза опубликовала призыв

¹ В результате революции 1848 г. в Риме 8 февраля 1849 г. была провозглашена республика, объявившая светскую власть папы упрямлённой. В ответ на призывы папы Пия IX к европейским монархам о помощи Луи Наполеон решил уничтожить Римскую республику и восстановить власть папы. Воспользовавшись обещанием французского Учредительного собрания сформировать экспедиционный корпус в помощь пьемонтцам, против Австрии, Луи Наполеон послал этот корпус для разгрома Римской республики. 25 апреля 1849 г. французская армия в 8—10 тысяч человек под командой генерала Удино высадилась в Чивита-Веккии. Несмотря на героическую, продолжавшуюся два с половиной месяца оборону Рима под руководством Гарибальди, римское Учредительное собрание вынуждено было отказаться от дальнейшего сопротивления, и 2 июля Гарибальди с 4-тысячным отрядом покинул Рим.

к оружию, подписанный 148 депутатами. Правительство конфисковало все номера газеты.

Демократическая партия пыталась организовать в этот день демонстрацию протеста. Однако немногочисленная группа демонстрантов, шедшая под лозунгами «Да здравствует Италия! Да здравствует Конституция!», была быстро рассеяна войсками. Делеклюз, как и многие другие его единомышленники, вынужден был скрываться.

14 июня газета Делеклюза была закрыта. С помощью друзей он бежал сначала в Бельгию, затем в Лондон.

Ещё до своей эмиграции Делеклюз создал общество «Республиканская солидарность», которое должно было объединить всех демократов-республиканцев и создать партию демократической и социальной республики. «...После новой революции, — писал он в одном из писем, фигурировавших потом на процессе в Версале, — мы намерены опубликовать декларацию прав и Конституцию 1793 г. с лёгкими видоизменениями. Временно революционная диктатура будет осуществляться Комитетом общественного спасения, опирающимся на СовеЩательный комитет, составленный из делегатов от каждого департамента»¹.

В апреле 1850 г. начался процесс общества «Республиканская солидарность». Суд приговорил членов общества к разным срокам заключения, в том числе Делеклюза (заочно) — к году тюрьмы².

В начале августа 1853 г. Делеклюз вернулся в Париж и принял участие в деятельности тайных обществ, стремившихся восстановить республику путём переворота («Молодая Гора» и «Марианна»).

Выданный провокатором, Делеклюз был 15 октября 1853 г. арестован и посажен в Мазасскую тюрьму. На процессе (март 1854 г.) он отказался давать показания и защищаться и был приговорён к 4 годам тюрьмы за участие в тайном обществе.

С этого момента начинается для него ряд тяжёлых страданий и лишений, но он неизменно остаётся твёрдым и стойким в своих убеждениях. «Человек создан для действия, для борьбы! — писал Делеклюз в своей книге «Из

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, 1830—1848—1871, Paris 1898, p. 29.

² Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 144.

Парижа в Кайенну», изданной им в 1860 г.— Поражение во сто крат лучше, чем бездействие; даже страдание лучше пошлого благополучия, бесполезного существования»¹. Своё заточение Делеклюз провёл сперва в суровой бретонской крепости Белль-Иль, на берегу Атлантики. Затем его с группой товарищей перевели в корсиканскую тюрьму. Его мужественное поведение в тюрьмах и ссылке заслуженно вызывало всеобщее уважение и восхищение.

С большой радостью Делеклюз предвкушал своё скорое освобождение: срок его заключения истекал 8 марта 1858 г. Он начал сильно тосковать по своей семье — отцу, матери и сестре. С грустью восклицал он: «Почему всегда получается так, что это чувство (любви к близким.— *А. Л.*) ощущается во всей своей чистоте и силе только в период тяжёлых испытаний и страданий?»². Он с гордостью вспоминал о том, что эти любимые существа всегда поощряли его революционную деятельность и готовы были на любые лишения, только бы поддержать его мужество и решимость.

Когда Делеклюз узнал о распоряжении перевести его в марсельскую тюрьму, он решил, что час освобождения близок. Однако его удивило и возмутило, что в Марселе на него впервые надели кандалы. Но он решил молча стерпеть это. Недолго ему пришлось быть там: вскоре его отправили в тулонскую каторжную тюрьму.

Здесь Делеклюз узнал, что заключение его не приближается к концу, а лишь вновь начинается: по окончании четырёхлетнего срока заключения ему предстояла новая ссылка на 10 лет в Кайенну!

К Делеклюзу, как и к множеству других республиканцев, был применён новый закон об общественной безопасности, принятый Законодательным корпусом 1 февраля 1858 г. Закон предоставлял правительству право «высылать лиц, виновных в подстрекательстве к покушениям против правительства (даже если это подстрекательство не сопровождалось никакими последствиями), а также лиц, осуждённых за участие в незаконных собраниях, тайных обществах и т. д.»³. Поводом к возобновлению жестоких преследований против республиканцев послужило поку-

шение итальянского патриота Орсини на жизнь Наполеона III в 1858 г. Весною того же года было арестовано более 2 тысяч республиканцев и до 300 человек сослано без суда. Многие из них, как Делеклюз, не имели ни малейшего отношения к заговору и покушению Орсини!..

...Снова на корабле, снова бретонская тюрьма — Брест. 16 сентября 1858 г. Делеклюз на судне «Сена» отправился в Кайенну, на Чёртов остров — местопребывание политических ссыльных.

Условия ссылки были ужасны: ссыльному предоставлялась «свобода» скитаться по раскалённой тропическим солнцем скалистой, безжизненной почве Чёртова острова, лишённого всякой тени. Пища ссыльного была весьма скудной. Ссылные должны были ежедневно под палящими лучами солнца выполнять ряд тяжёлых принудительных работ. К счастью, не прошло и месяца, как было получено распоряжение — перевести Делеклюза в город Кайенну, где условия ссылки были для него значительно более благоприятны. Этим он был обязан ходатайству одного местного коммерсанта, обладавшего большим влиянием и пригласившего его в качестве учителя к своим двум сыновьям. «Никогда я не забуду этого дня — 14 ноября 1858 г.! — с волнением писал Делеклюз.— Ещё вчера я был только номером, я был одет и питался, как каторжник, зависел от каприза пьяницы-надсмотрщика — и вот сейчас я в доме друзей, окружённый симпатичными лицами, убаюкиваемый музыкой вежливых речей, в комфортабельной, культурной обстановке!»¹

Здоровье Делеклюза, как и прочих европейцев-ссылных, было настолько расшатано, что он серьёзно сомневался, удастся ли ему увидеть родину.

К этому времени революционная репутация Делеклюза достаточно упрочилась. Мало кто осмелился бы (даже в среде политических противников) усомниться в чистоте и безупречной честности этого человека. Личность Делеклюза производила на окружающих неотразимое, обязательное впечатление. «Хотя он быстро состарился (тюрьма, ссылка и каторга не проходят даром), но дух и энергия его оставались вечно юными,— рассказывает Лепеллетье.— Делеклюз был среднего роста, худ, держался прямо, несколько навытяжку. Лицо загорелое, обветренное от жаркого

¹ *Delescluze, De Paris à Cayenne, Paris 1872, p. 6.*

² *Ibid., p. 83.*

³ *Э. Лависс и А. Рамбо, История XIX в., т. 5, М. 1938, стр. 157.*

¹ *Delescluze. De Paris à Cayenne, p. 296.*

дыхания тропического ветра. Короткие седоватые усы, низко остриженные волосы, небольшие рыжеватые бакенбарды... Чёрный пиджак, высокая шляпа, в руке трость с набалдашником. По виду какой-нибудь буржуазный чиновник в отставке... Но его отличал необычайный огонь, светившийся в выразительных серых глазах. Слова Делеклюза были лишены пафоса; но всё, что он говорил, внушало уважение. Всегда простой, холодный, владеющий собой, он без труда влиял на своего собеседника глубокой убеждёностью и энергией своих речей. В нём не было ничего напоминающего профессиональных ораторов-фразёров. Он никогда не раздражался, терпеливо выслушивал возражения, не давая себя увлечь полемикой, и последнее слово всегда оставалось за ним. Даже похвалы Делеклюза были суровы и сдержанны. Друзья называли его за строгость характера и твёрдость убеждений «*Barre de fer*» («Железный брус»)»¹.

Идеалом Делеклюза с первых дней его вступления на революционный путь были суровые, непреклонные деятели Конвента 1792—1794 гг. Он всегда старался подражать им в стойкости и преданности республиканским, демократическим принципам и был глубоко убеждён, что «старый мир осуждён с той минуты, когда новый закон был провозглашён среди громов и молний»². Делеклюз утверждал, что «тот, кто не сдаётся, всегда является хозяином своей судьбы, что даже в самом отчаянном положении человека никогда нельзя считать полностью несчастным, если он может сделать ещё кое-что хорошее»³.

Категорически отказываясь просить помилования или смягчения своей участи, Делеклюз говорил, что «до 1848 г. слова «помилование» вообще не существовало в революционном словаре. Верный своим убеждениям, побеждённый революционер оставался непоколебимым перед лицом судей, в тюрьме, у подножья эшафота и даже на самом эшафоте; он страдал и умирал без бахвальства, но и не проявляя слабости»⁴.

В январе 1860 г. Делеклюз вернулся во Францию и на некоторое время отошёл от политической деятельности.

События 1868 г. — года бурной политической деятельности всех политических течений и групп — вернули Делеклюза к революционной борьбе. Он основал газету «*Réveil*» («Пробуждение»), первый номер которой вышел 2 июля 1868 г. Основным принципом его газеты было:

«Сегодня, как всегда, сегодня больше, чем когда-либо, политическая реформа — средство, а социальная реформа — цель»¹.

Несмотря на пережитые за двадцать лет тяжёлые страдания и разочарования, Делеклюз продолжал подобно своим единомышленникам — «новым якобинцам» жить иллюзиями буржуазной революции XVIII в.

Делеклюз и его сторонники пытались возродить и перенести в обстановку Франции второй половины XIX в. устарелые революционные понятия и традиции якобинцев 1793—1794 гг. Они не желали понять, что каждая эпоха требует новых форм борьбы, а не механического копирования старых. Они не умели сделать должный вывод из того факта, что на политической арене появился новый, подлинно и до конца революционный класс — пролетариат.

«Свобода, равенство, братство! — вот наша программа, — писал Делеклюз в первом номере «*Réveil*». — Если мы останемся ей верны, нам нечего завидовать научному багажу самых знаменитых «докторов политических наук» (?!); потому что в этих словах заключается абсолютная, вечная истина, и пока будут существовать человеческие общества, достойные этого имени, — у них другого идеала не будет!»².

После сурового приговора над некоторыми народными ораторами, проповедовавшими утопический коммунизм, Делеклюз писал в «*Réveil*» (30 января 1869 г.), обращаясь с упреком к властям: «Знаете ли вы, что вы делаете, запрещая одновременно обсуждение и истинных и ложных учений! Вы придаёте таким путём наименее заслуживающим поддержки ересям то влияние, которого им не удалось бы сохранить даже в течение 24 часов, если бы была разрешена независимая критика!»³.

¹ Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 222.

² Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 37.

³ Louis Fiaux, Histoire de la guerre civile de 1871, p. 383—384.

¹ E. Lepelletier, Histoire de la Commune, v. II, p. 426—427.

² Delescluze, De Paris à Cayenne, p. 17.

³ Ibid., p. 16—17.

⁴ Ibid., p. 24.

Как и 20 лет назад, Делеклюз в «Réveil» заявлял, «связан с существующими социалистическими школами, идеями и надеждами»¹. И даже в последние годы Второй империи, когда влияние I Интернационала росло и ряды его членов во Франции множились, Делеклюз держался в стороне от революционного пролетарского движения. Организуя весной 1870 г. кампанию против правительства, он созвал широкое совещание в редакции «Réveil» с участием Ледрю-Роллена, Гамбетты, разных парижских и провинциальных журналистов, но отказался пригласить представителей Интернационала, боясь приписать своим действиям чересчур революционный характер.

Однако мужественная и стойкая борьба членов I Интернационала с империей Наполеона III вызывала горячую поддержку Делеклюза.

В июне 1868 г. Делеклюз приветствовал членов I Интернационала, представших перед императорским судом. «Никогда, — писал он, — столь благородные слова не звучали под сводами дворца официального правосудия. Слушайте: это не обыкновенные обвиняемые, бормочущие жалкие слова самооправдания, а граждане, которые без шума и бахвальства считают себя вправе требовать для своих братьев нетленное наследие Революции, требовать права развивать свои способности и объединёнными усилиями воли улучшать условия своей жизни, не покушаясь ни на чью свободу».

Своим непосредственным врагом республиканец Делеклюз считал империю и пользовался всеми случаями для нападок на бонапартистский режим. 5 ноября 1868 г. Делеклюз демонстративно открыл на страницах «Réveil» подписку на памятник депутату Бодену, павшему жертвой февральского переворота 1851 г. За этот поступок, а также за участие в манифестации на могиле Бодена Делеклюз был предан суду. На процессе, происходившем в ноябре 1868 г. при огромном стечении народа, в защиту Делеклюза выступил с блестящей речью буржуазный республиканец, ярый враг Второй империи Гамбетта. Делеклюз был приговорён к шести месяцам тюрьмы, но, как от-

крыто писали газеты, «истинным обвиняемым и приговорённым в этом процессе была Империя, которая была разоблачена и заклемена»¹. Своё тюремное заключение Делеклюз отбывал летом 1869 г. в тюрьме Сент-Пелажи. Отсюда он продолжал посылать в газеты свои статьи. Там он написал предисловие к своей книге «Из Парижа в Кайенну», которая вышла в свет в 1872 г.

Всё это время Делеклюз с большим вниманием и симпатией следил за усилиями рабочих масс улучшить свою жалкую участь (стачки в Обэне, в Рикамари и т. д.). Он приветствовал стачки и волнения среди рабочего класса, требовавшего права на жизнь, уважения к труду, свободы собраний и союзов. 1 августа он посвятил этому вопросу большую статью, возмущаясь правительствами, которые «никогда не интересуются судьбой рабочих и клеветают на журналистов и ораторов народных собраний, выступающих в пользу этих обездоленных, обвиняют их в проповеди гражданской войны и нередко посылают на скамью подсудимых». Однако, заявлял Делеклюз, «...так как страдания трудящихся всё возрастают, мы однажды с изумлением услышим, что здесь или там рабочим надоест страдать безнадежно, и они откажутся продолжать работу, которая не в состоянии их прокормить. И сразу же на них нападут пехотинцы, кавалеристы, жандармы и судьи. Разве не нужно любой ценой защищать святую собственность против покушений голодных бунтовщиков?»².

После жестокой расправы правительства с забастовщиками в Обэне и Рикамари Делеклюз открыл в «Réveil» подписку в пользу пострадавших рабочих и с негодованием писал: «Пусть правительство остерегается! Вопрос этот — жгучий. Не убийством людей в Обэне и Рикамари можно заставить трудящихся удовлетвориться своей участью, а полным и совершенным правосудием!»³. Наконец, по амнистии 15 августа 1869 г. Делеклюз был освобождён досрочно.

12 января 1870 г. на похоронах Виктора Нуара Делеклюз, Рошфор и некоторые другие ораторы, пользовавшиеся большим авторитетом, выступили с речами,

¹ См. П. П. Лавров, Парижская Коммуна 18-го марта 1871 года, стр. 36.

² Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 224.

¹ Marcel Dessal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 230, 232, 233, 236.

² Ibid., p. 251.

³ Ibid., p. 252.

убеждая народ успокоиться и не подвергать себя опасности быть разгромленным силами реакции.

— Граждане,— говорил Делеклюз,— один из наших друзей был убит членом семьи Бонапартов. Мы должны отомстить. Мы отомстим! Но нас ждёт засада. Враг бодрствует. Не следует давать ему оснований для нападения... Подчинимся желанию семьи погибшего — пусть процессия идёт своей дорогой, в Нейи.

Уговоры Рошфора и Делеклюза повлияли. Удалось избежать бесцельного кровопролития.

Когда началась франко-прусская война, Делеклюз решительно выступил против всяких антивоенных демонстраций. В своих малоизвестных, но чрезвычайно интересных письмах, опубликованных в «*Egalité*»¹, Делеклюз объясняет, почему он не только не выступил против войны, но и вынужден был принять её:

«...Возникла война со всеми своими угрозами свободе, война, в которой мы вынуждены принять участие из боязни, что почва нашей родины будет осквернена [врагом]. Да, я глубоко удручён всем происходящим и тем, что ещё готовится... Видеть знамя Франции в руках Бонапарта и быть вынужденным следовать за ним, боясь почти столько же победы, сколько поражения,— это может потрясти даже самые крепкие сердца!.. Теперь в Европе, особенно во Франции, нет другой заботы, кроме войны. Свобода, прогресс — всё это забыто. Мы придавлены пневматической машиной, которая называется «военная диктатура». Воздух для дыхания будет отныне нам отмеряться капралами, мы ничего не будем знать; а в случае поражения национальное, революционное сопротивление станет для нас очень затруднительным». (Письмо это было написано в июле, то есть в начале войны.)

Маркс сурово осуждал такую позицию французских буржуазных республиканцев. Маркс обвинял Делеклюза в шовинизме, указывая, что в основе его оппозиции бонапартовскому правительству лежит вовсе не принципиальное, глубокое отвращение к военной политике врагов мира, руководимых только династическими интересами, а всего лишь личная антипатия к Наполеону и к наживающимся на войне биржевикам. Действительно, хотя Делеклюз и возмущался в начале войны воинственными призывами

некоторых газет, он решительно заявлял: «Если Франции придётся защищаться от атак Гогенцоллернов, демократия будет в первых рядах сражающихся... Колебаться нечего. Лучше временная отсрочка наших надежд, чем триумф прусского цезаризма»¹.

Приговорённый летом 1870 г. к 13 месяцам тюрьмы за защиту в печати механика Межи, убившего полицейского инспектора², Делеклюз был вынужден некоторое время скрываться за границей, в Бельгии, откуда продолжал клеймить бонапартистский режим. В своих статьях, посылаемых из-за границы в «*Réveil*», он писал (22 июля 1870 г.): «Вот увидите, что отложат созыв палат, чтобы деспотическое правительство смогло свободнее действовать... запретят опубликование всех новостей о военных действиях... будут сообщать о здоровье принцев, но о войне Франция ничего не узнает. Если будут успехи, угодные правительству, газеты раздуют их до нелепых размеров, а неудачи будут скрыты... и может случиться, что неспособность наших вождей армии (если только не предательство) будет причиной непредвиденной катастрофы. Париж узнает о нашем поражении только тогда, когда прусские разведчики будут у его ворот»³.

За подобное «разжигание ненависти и презрения к правительству» Делеклюз был 4 августа 1870 г. заочно приговорён ещё к 18 месяцам тюрьмы и 4 тысячам франков штрафа.

После поражения Мак-Магона при Рейсхофене Делеклюз тайно возвратился в Париж. 7 августа он поместил в «*Réveil*» обращение к народу, призывая всех граждан к оружию и к защите родины, требуя в первую голову реорганизации Национальной гвардии и вооружения всего населения. 10 августа «*Réveil*» был закрыт за следующий призыв: «Парижане! Враг во Франции. Настало время для чрезвычайных решений. Париж уже спас Францию в 1792 г., он же должен снова спасти её — и он спасёт её!

¹ *Marcel Dessal*, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 275, 276.

² Инспектор, ворвавшийся ночью в квартиру Межи с целью арестовать его, был им за проявленное насилие застрелен. Делеклюз в «*Réveil*» доказывал, что Межи невиновен, так как следует уважать и защищать неприкосновенность жилищ.

³ *Ch. Prolès*, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 53—54.

Что же для этого надо? Дантон сказал: «Смелость, смелость и ещё раз смелость!».

Наконец грянула Седанская катастрофа. Империя свергнута. Каково же теперь отношение Делеклюза к войне и к новому правительству? Вот что он пишет 6 сентября 1870 г. (то есть уже на третий день после провозглашения республики) своему приятелю: «...Итак, у нас республика, но какое ужасное положение! Можно было бы всё спасти, но для этого нужна энергия, нужно произвести революцию, а темперамент людей, находящихся у власти, не таков, чтобы можно было на это рассчитывать. Хуже всего то, что из боязни, что наступит хаос и парализуется оборона, приходится довольствоваться людьми, которые по своим убеждениям только либералы. Ничего серьёзного, ничего энергичного, ничего действительного!.. Зато Париж великолепен: всюду царят доверие и радость... Будь у нас 100 тысяч вольных стрелков, они бы дезорганизовали прусскую армию... Мне грустно, дорогой мой друг, очень грустно, потому что горизонт мрачен: реакция всё время торжествует,— и я трепещу, что начнутся под огнём неприятеля страшные июньские дни».

Во имя ложной понимаемой идеи спасения и защиты отечества Делеклюз поддерживал правительство Национальной обороны, призывал парижан к борьбе с внешним врагом: «Наступило время гражданского мужества! Acta, non verba! [Дела, не слова!]... Все к укреплениям! Все с гордо поднятой головой встретим врага, стучащегося в наши ворота! Немцев не более 250—300 тысяч бойцов, утомлённых долгими переходами, обеспокоенных накапливавшимися в их тылу ненавистью и гневом... Если вы предадитесь трусости, парижане, вы будете посмешищем всего мира! Пруссакки вас заставят плясать, чтобы забавлять своих ребят... В сущности, что вы потеряете? Несколько капель крови, несколько пушек, несколько героев-солдат... Что всё это по сравнению с оставшимися у вас ресурсами?.. Чтобы победить, достаточно захотеть, и вы это захотите! Вы поставите ногу на горло врага, вы предадите его, изуродованного и обливающегося кровью, вилам и косам крестьян! Вперёд, дети Парижа, дети цивилизации и свободы! Если же какие-либо глупцы или трусы заговорят об амнистии или о сговоре с врагом,— предайте их, как изменников, военному суду!»¹.

¹ «Réveil», 13 septembre 1870.

Однако Делеклюз очень скоро убедился, что люди, которым 4 сентября была предоставлена государственная власть, начинают предавать интересы страны.

«Временами нам кажется,— пишет он, попрежнему верный якобинским традициям,— что наши правители не

имеют ни малейшего представления о том, что происходило во Фракции в 1792—1793 гг. Пусть они прочтут героические дискуссии в Конвенте, Коммуне и парижских секциях — и они увидят, как надо спасать отечество!»

В то время как последовательная революционная позиция пролетариата заключалась в том, чтобы, пользуясь всеми буржуазными свободами, приобретёнными в результате революции 4 сентября, укреплять свои ряды и строить мощную организацию, Делеклюз усыплял рабочий класс Парижа воспоминаниями о национальном единстве в период французской буржуазной революции и этим причинял вред рабочему движению. Однако под влиянием революционной инициативы народных масс позиция Делеклюза постепенно меняется, он всё больше прислушивается к запросам рабочего класса вплоть до его требования создания «революционной Коммуны».

«Довольно фраз! — писал Делеклюз. — Так как «люди 4 сентября» отказываются слушать голос разума и справедливости, то народ должен вспомнить о своей суверенности... взять всё в свои руки... и, не медля, приступить к выборам своих представителей!»¹

Всё громче и настойчивее Делеклюз выдвигает в своей газете лозунг немедленного избрания Коммуны.

30 октября 1870 г. известия о сдаче Меца и поражении при Ле-Бурже заставляют Делеклюза открыто выступить в печати против предательства министров и требовать «отставки Трошю и его генерального штаба, предания их военному суду; отставки так называемого правительства национальной обороны; организации революционной Коммуны..., обороны до конца и призыва ко всем народам».

«Да здравствует всемирная, демократическая и социальная республика!»², — восклицает Делеклюз в конце своей статьи.

Делеклюз принимал участие в восстании 31 октября. Днём он выступил в Ратуше с речью, заявив, что считает законными только правильные, а не случайные выборы в Коммуну и что поэтому он снимает свою кандидатуру, выдвинутую сейчас. Делеклюз был избран в члены Комитета общественного спасения. Вечером он явился в Ра-

тушу с Пиа и Ледрю-Роллэном¹. Однако движение к тому времени было предательски сорвано: в Ратушу ворвались верные правительству бретонские мобили² и разоружили национальных гвардейцев. Делеклюз вместе с другими членами Комитета общественного спасения оказался в числе арестованных... Затем начались переговоры с членами правительства Национальной обороны. Дориан, министр правительства Национальной обороны, дал Делеклюзу слово, что в результате восстания 31 октября не последуют никакие репрессии... Однако несколько дней спустя начались аресты.

В связи с этим Делеклюз возобновил в «Réveil» свои атаки на временное правительство. «Alea jacta est! [Жребий брошен!], — заявил он в передовой от 2 ноября. — Свершилось! Благодаря их неспособности или их предательству мы, наконец, вступаем в революционную фазу».

5 ноября его избрали мэром XIX округа Парижа. На совещании мэров 4 января он внёс при поддержке группы мэров следующие предложения:

Нужно немедленно и безоговорочно потребовать:

- 1) отставки генералов Трошю, Клемана Тома и Лефло;
- 2) обновления состава военных комитетов и генеральных штабов;
- 3) удаления из Военного совета всех генералов, какой бы пост они ни занимали, сеющих в армии панику и пессимизм;
- 4) постепенной мобилизации Национальной гвардии Парижа;

5) учреждения Верховного совета обороны;

6) принятия всех мер общественного спасения, которые смогли бы обеспечить снабжение парижан продовольствием или смягчить жестокие их страдания, являющиеся следствием осады и прискорбной бездеятельности властей.

¹ Ледрю-Роллэн, Александр Огюст (1807—1874) — адвокат и публицист, лидер мелкобуржуазных республиканцев-демократов во время революции 1848 г., министр внутренних дел Второй республики. Избранный 13 мая 1849 г. в Законодательное собрание, возглавлял партию левых республиканцев — так называемую «Гору». После неудачной попытки выступления в июне 1849 г. эмигрировал в Англию. В феврале 1871 г. избран членом Национального собрания. К Коммуне относился резко отрицательно.

² Мобили (от слова *mobile* — подвижный) — род «подвижных» войск во Франции, состоявших из люмпен-пролетариев и крестьян; служили верной опорой реакции в борьбе с революционными пролетариями столицы.

¹ «Réveil», 29 septembre 1870.

² См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 60.

Однако предложения Делеклюза встретили столь резкий отпор со стороны правительства (особенно Жюль Фавра, назвавшего его предложения «вероломными»), что Делеклюз был вынужден покинуть зал заседаний. На следующий день он вместе с некоторыми другими мэрами подал в отставку. В своём коллективном заявлении они писали, что не могут более «оставаться пассивными орудиями политики, которую давно считают пагубной для интересов Франции и республиканского строя».

Для всех было очевидно, что неизбежным результатом предательской политики правительства будет подписание капитуляции. Капитуляция являлась не чем иным, как заговором против республики. Буржуазия готовилась к расправе. Спасти положение могла только передача власти, а следовательно, и руководства военными действиями в руки народа.

Членами Республиканского союза¹ (к нему принадлежал и Делеклюз) была составлена прокламация, призывавшая к выборам коммунального собрания, которое должно заведовать управлением и защитой осаждённого Парижа. Члены союза предварительно связались с некоторыми представителями предместий, обещавшими поддержку своими батальонами.

22 января утром прокламация была расклеена.

Расстрел 22 января 1871 г. безоружной толпы на площади Ратуши произвёл на Делеклюза потрясающее впечатление. «Когда совершилось это преступление,— вспоминает Арну,—отчаянию Делеклюза не было пределов. Этот стойкий стальной человек, который никогда не покорялся и не отступал, в тот день бледный, дрожащий без сил и голоса закрывал лицо руками, чтобы не видеть ужасной действительности, похожей на кошмар. Двум друзьям пришлось увести его под руки. Тогда он сказал те слова, которые повторил впоследствии при Коммуне: «Если революция ещё раз будет разбита, я не переживу её!»»².

После событий 22 января «Réveil» был закрыт за подстрекательство к гражданской войне, а сам Делеклюз, не-

¹ Одно из политических обществ, образовавшихся в Париже после событий 4 сентября.

² Артур Арну, Народная история Парижской Коммуны, стр. 43.

смотря на свой преклонный возраст и болезненное состояние, был арестован. В суровую зимнюю пору его поместили в холодную камеру Венсеннской тюрьмы, где окна были без стёкол. На койки заключённых падал снег. В такой обстановке находился арестованный Делеклюз, мучимый лихорадкой и удушливым кашлем. Затем его и товарищей (Вермореля, Лефрансэ и др.) перевели в тюрьму «Сантэ», где условия были ещё хуже: с потолка и со стен стекло, всё было пропитано сыростью... Посещение тюремного врача заключённые встретили возгласами негодования. «Отчаянно кашляющий, он [Делеклюз] обзывает врача негодяем и гонит его из своей камеры. Этим точно дан сигнал. Из всех камер... выскакивают наши товарищи, и... главный врач департамента Сены вынужден спасаться бегством, провожаемый свистками и эпитетами, которые, полагаю, ещё долго будут раздаваться в его ушах»¹. Делеклюз хорошо понимал, что правительство, арестовав его, решило «уничтожить его холодом и голодом»², но ему это не удалось.

8 февраля произошли выборы в Национальное собрание, и Делеклюз, избранный 154 142 голосами депутатом от департамента Сены, был освобождён из тюрьмы.

В Бордо Делеклюз вместе с другими левыми депутатами заявил решительный протест против позорных условий мирного договора. Он выступил с предложением предать суду членов правительства так называемой национальной обороны по обвинению в государственной измене, а также всех других военных или гражданских чиновников, которые окажутся в результате следствия виновными в аналогичных преступлениях.

Делеклюз знал заранее, что его предложение будет отклонено. Для него был ясен контрреволюционный характер Национального собрания. И если он решил принять участие в его работе, то лишь с целью публично разоблачить и заклеймить гнусную политику «правительства национальной измены».

Делеклюз был убеждён в том, что правительство предало интересы Франции и республики, что оно никогда не собиралось всерьёз организовывать оборону Парижа. «Даю вам честное слово, что правительство 4 сентября

сознательно вас предало;... освобождение Парижа (от пруссаков.— А. Л.) означало укрепление республики и создание Соединённых штатов Европы. Иезуиты-министры предвидели опасность, угрожавшую семье, религии и собственности, и сообща решили, что лучше спасти общество, чем Францию»¹.

Потеряв всякую надежду на спасение республики, больной и морально подавленный, Делеклюз вернулся в Париж.

Когда свершилась революция 18 марта, Делеклюз сначала не принимал никакого участия в событиях. В течение пяти дней, во время которых происходили переговоры новой, революционной власти с мэрами города, он держался в стороне от происходившего, и только когда на страницах республиканской газеты «L'Avenir National» («Национальное будущее») было высказано недоумение по этому поводу, Делеклюз выступил с мотивированным объяснением. В своём письме в эту газету он говорил, что давно уже знаком с реакционным настроением мэров Парижа (так как ранее участвовал в совещаниях с ними) и потому считает, что всякие переговоры с мэрами о примирении и т. д. ни к чему путному привести не могут. Что же касается Центрального комитета, то он образовался помимо него, и, естественно, что он не принимает в нём участия.

В этом сдержанном письме Делеклюз выражал удовлетворение по поводу выборов в муниципальный совет Парижа (т. е. в Коммуну), из-за которых до сих пор велась такая ожесточённая борьба. «То же самое,— писал Делеклюз,— произойдёт постепенно и с другими требованиями Парижа, которые будут приняты, так как диктуются законом и справедливостью»².

Делеклюз был избран членом Коммуны от I округа (20 264 голоса) и XIX округа (5846 голосов). Патристические и республиканские убеждения заставили его принять этот мандат ради защиты родины и республики. Период колебаний и сомнений для Делеклюза кончился: он бесповоротно перешёл в лагерь борцов Коммуны.

На первом же заседании Коммуны, 28 марта вечером, после выступления Жюль Валлеса, указавшего на несов-

¹ Гюстава Лефрансэ, Воспоминания коммунара, Л. 1925, стр. 46.
² «Égalité», 16 juin 1878.

¹ «Égalité», 16 juin 1878.
² E. Lepelletier, Histoire de la Commune, t. II, p. 418.

местимость званий члена Коммуны и депутата Национального собрания, Делеклюз взял слово, чтобы объяснить, почему он до сих пор не подал заявления об отставке как члена Национального собрания в Версале. Заявив, что своим участием в Собрании он имел в виду освободить страну от «наглого соседства» (подразумевая прусское войско) и спасти Коммуну, он добавил: «Я готов подать в отставку и как депутат и как член Коммуны...»¹.

На следующий день, 29 марта, он прочёл вслух на заседании Коммуны своё заявление на имя председателя Версальского собрания о том, что отказывается от своих депутатских полномочий и предпочитает сохранить мандат Парижской Коммуны, полученный им от двух округов. Это заявление Делеклюза было принято с восторгом и покрыто аплодисментами. Во время всех последующих заседаний Коммуны Делеклюз поддерживал важнейшие мероприятия Коммуны. Он вошёл в состав Исполнительной комиссии и Комиссии внешних сношений (29 марта). На протяжении всего периода существования Коммуны Делеклюз был решительным и последовательным сторонником проведения политики революционного террора.

В беседе с Одебраном, редактором версальской газеты «Paris Journal» («Парижская газета»), выразившим возмущение по поводу расстрела 18 марта двух версальских генералов, Делеклюз сказал, внезапно вспыхивая и ударяя себя в грудь: «...Разве нас не убивали? Разве меня не мучили в Кайенне? Разве можно провести хоть какую-нибудь параллель между насильственными действиями народа и бесчисленными кровавыми оргиями, устраиваемыми принцами и аристократами? Нет! 18 марта приведёт Францию в движение; Франция взволнует всю Европу, Европа потрясёт мир — и мы будем свидетелями великих событий!»².

5 апреля именно он, Делеклюз, внёс известное предложение об аресте заложников в ответ на зверства версальцев и казни их: «Казнь каждого военнопленного или сторонника законного правительства Парижской Коммуны немедленно повлечёт за собой казнь тройного числа за-

ложников, задержанных на основании статьи четвёртой и намеченных путём жребия»¹.

15 апреля Делеклюз голосовал за принятие декрета о конфискации имущества членов Версальского собрания и других роялистов, а также всех лиц, покинувших Париж².

Приняв политику Коммуны, Делеклюз внушил к себе полное доверие и был избран в состав Комиссии, которой было поручено выработать политическую декларацию к французскому народу (программу Коммуны).

Вот что Валлес рассказывает об участии Делеклюза в составлении программы:

«Делеклюз пришёл к нам (редакторам программы — Тейсу и Валлесу.— А. Л.), разбитый болезнью, бледный, с дрожащими пальцами и печальным, серьёзным тоном сказал: «Старики должны уступить место молодым. ...Составляйте декларацию без меня. Я уверен, что вы вложите в неё всю свою убеждённость, всю свою душу. ... Но вот вам листок бумаги — это мой черновой набросок... постарайтесь, чтобы кое-что из него вошло в вашу программу. ...Может быть, вы и правы: я — представитель идей прошлого столетия. Но, верьте мне, не надо в такую минуту разбивать сердце родины — это равносильно тому, что вы бы резали моё сердце на части». На устах Делеклюза появилась болезненная улыбка. Глаза его погасли. Он пожал нам руки и, поклонившись, вышел».

20 апреля программа Коммуны была опубликована в «Journal officiel». Программа носила на себе следы сильного влияния прудонизма. В основу её была положена идея максимальной децентрализации страны и автономии коммун.

События заставили Делеклюза уступить в вопросе о свободной федерации коммун — уступка, которая казалась столь немыслимой для якобинца-централиста³, что один из членов Коммуны на заседании воскликнул:

— Это надгробное слово якобинству, произнесённое одним из его вождей!⁴.

Зато прудонистская газета «La Sociale» («Социальная революция») с восторгом твердила: «Ни господствовать,

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 56.

² См. там же, стр. 106.

³ В прошлом Делеклюз, будучи сторонником единой и нераздель-

ной республики, был противником всякого федерализма.

⁴ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 126.

¹ «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 17.

² Marcel Déssal, Un révolutionnaire jacobin. Charles Delescluze, p. 327; Audebrand, Histoire intime de la Révolution du 18 mars, Paris 1871, p. 189—190.

ни подчинять чужому господству — вот, в сущности, вся идея декларации. Долой столицы! Да здравствуют свободные города!». Единство республики должно было явиться результатом добровольного союза коммун. Центральная власть принадлежала делегатам, объединённым в федерацию коммун. Мероприятия Коммуны в области улучшения положения рабочего класса были сформулированы в программе недостаточно конкретно, и, что было особенно важно, программа совершенно умалчивала о крестьянстве.

Декларация крайне туманно провозглашала «конец старого правительственного и клерикального мира, конец милитаризма, бюрократизма, эксплуатации, ажиотажа, монополий и привилегий, которым пролетариат обязан своим рабством, а родина — своими несчастьями и поражениями». Как указывал Эли Реклю в своих воспоминаниях, «программа была неясна, бесхребетна... Я не встречал никого, кто с энтузиазмом приветствовал бы этот манифест, но я видел многих разочарованных и некоторых раздражённых»¹.

В программе Коммуны не доставало самого главного, самого существенного — того, что ясно выражено было в заявлении Центрального комитета от 21 марта и в декларации 7 апреля. Не доставало принципиальной постановки вопроса о классовой борьбе пролетариата с буржуазией.

Это явилось результатом того, что в Коммуне были представлены партии, из которых ни одна не выражала последовательно революционных интересов пролетариата.

Однако, несмотря на все свои принципиальные недостатки, программа Коммуны имела огромное значение. Она утверждала новый тип государства, коренным образом отличавшийся от старой, буржуазной бюрократической машины. Выборные ответственные и контролируемые должностные лица сменили прежних чиновников. Национальная гвардия заменила постоянную армию. Государственная система управления стала демократической, народной.

Характерно, что в начавшей выходить 18 апреля газете «*Réveil du Peuple*» («Пробуждение народа») задачи Коммуны формулировались в такой же ограниченной форме,

как в Декларации 19 апреля. Делеклюз в передовой статье, уведомляя читателей, что не может лично участвовать в редактировании этой газеты, писал: «Революция 18 марта — несомненно величайший акт народной воли, который где-либо был осуществлён... Город с двухмиллионным населением не мог долее терпеть, чтобы его третировали представители центральной власти, предавшей Париж и Францию врагу. Париж хочет получить все свободы, которые вытекают из его полной суверенности в коммунальном отношении. ...Если народ победит... что его ждёт? Свобода повсюду — в Коммуне и в государстве, безопасность жилища, свободное развитие труда, освобождённого от всяких пут, торговля и промышленность возобновят свою активность... словом, союз сердец и волей. Свободный Париж в свободной Франции... станет сердцем и головой Франции и Европы, без претензий на господство»¹.

Это была республиканская программа, без малейшего намёка на создание пролетарского государства нового типа.

Вполне естественным является вопрос: не оказывал ли авторитет старого мелкобуржуазного революционера Делеклюза отрицательного влияния на социалистические мероприятия Коммуны? Однако самый тщательный анализ позиций Делеклюза при обсуждении важнейших декретов Коммуны и других её мероприятий заставляет нас отказаться от этого предположения.

Судя по имеющимся данным, старый якобинец глубоко верил в победу революции и всеми силами способствовал успеху Коммуны.

Немногие речи, произнесённые Делеклюзом в Коммуне, вызывали горячую симпатию у всех, слышавших его, своей страстной убеждёностью и суровой принципиальностью.

22 апреля он сказал: «Если мы и не дождёмся победы, мы не последние падём на укреплениях или ступенях Ратуши!»²

Слова эти были встречены бурными овациями. Делеклюза уважали и ценили за его чистоту и неподкупность, за славное революционное прошлое; самая внешность его производила глубокое впечатление:

¹ См. П. М. Керженцев, История Парижской Коммуны 1871 г., стр. 348.

¹ «*Le Réveil du Peuple*», 18 avril 1871.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 190.

«Старик с белой головой, худой, с энергичными чертами лица и гордым взглядом, образец честности и бескорыстия, якобинец, точно вылитый по модели бронзовых фигур людей Конвента...»¹, — восторженно писал о нём Артур Арну.

Делекюз стоял на точке зрения суровых мер пресечения нарушений дисциплины и контрреволюционных действий. «Если Военный суд когда-нибудь вынесет смертный приговор, — заявил он по поводу хищений старой администрации, — я первый скажу: расстрелять»². С возмущением разоблачал Делекюз поведение таких людей, как полковник 11-го легиона Сильвестр, который четыре раза отказывался идти против версальцев.

Делекюз несколько раз выступал в Коммуне с резкой и основательной критикой плохой военной организации, критиковал Кюзере за его диктаторские замашки, за дезорганизацию, плохое снабжение и питание Национальной гвардии, за нежелание или неумение поддержать героически боровшегося Домбровского на позициях Нейи. Передавая на заседании 29 апреля слова Домбровского, не получившего подкреплений, Делекюз в гневе восклицает: «Если это верно, то это акт измены!»³.

Но, взявшись за выяснение этого вопроса, он так и не в состоянии был довести его до конца и настоять на посылке Домбровскому нужного количества людей. Он слепо доверился словам какого-то полковника и сообщил 24 апреля Коммуне, что через несколько дней число маршевых батальонов достигнет 75—80, что даст возможность «послать этому несчастному Домбровскому достаточные силы»⁴.

Мы знаем, что Домбровский так и не добился подкреплений ни тогда, когда военным делегатом был Кюзере, ни при Росселе, ни при Делекюзе (когда последний стал военным делегатом Коммуны).

В последние дни апреля Делекюз лишился голоса из-за острого ларингита и настолько серьёзно заболел, что в критический момент (когда в Коммуне страстно дебатировался вопрос о создании Комитета общественного спасения) вынужден был оставаться дома в постели.

9 мая, когда форт Исси был взят версальцами, Делекюз выступил в Коммуне со следующей обличительной речью:

«Как? Вы здесь занимаетесь дискуссиями, когда только что Росселем расклеена афиша о том, что трёхцветное знамя развевается над фортом Исси?!¹ Граждане, надо действовать без промедления... Отбросьте все свои личные счёты — нам надо спасти родину. Комитет общественного спасения не оправдал возлагавшихся на него надежды: вместо того, чтобы возбуждать активность, он тормозил её, был для неё препятствием. Я заявляю, что его надо уничтожить, надо принять немедленные, решительные меры»².

Замечательно, что тут Делекюз делает решительный шаг вперёд, отрекаясь от своих якобинских иллюзий:

«Ваш Комитет общественного спасения, — презрительно заявляет он, — уничтожен, раздавлен тяжёлым грузом воспоминаний. Он не в состоянии даже выполнить того, что могла бы сделать обыкновенная Исполнительная комиссия. Можно совершать великие дела, употребляя самые простые слова. Я — не сторонник комитетов общественного спасения — это только слова».

Однако Коммуна не уничтожила Комитет общественного спасения, но полностью обновила его состав. Одновременно Коммуна начала принимать срочные меры для укрепления обороны города. 11 мая был арестован Россель, военный делегат Коммуны, руководивший боевыми действиями. Вскоре ему удалось скрыться с помощью своего друга Жирардена.

11 мая Делекюз занял пост военного делегата вместо Росселя.

Измена Кюзере и Росселя заставила членов Коммуны с большим недоверием относиться к военным специалистам, тем более что поступали сведения о подозрительном поведении и бонапартистских симпатиях многих из них. Коммуна не успела во-время провести политическую проверку военных специалистов, и среди них оказалось немало шпионов и агентов Версаля. Очевидно, именно этим и было вызвано назначение штатского Делекюза на пост

¹ Россель в эти дни (начало мая) требовал большей централизации власти и опубликовал письмо, в котором предательски раскрывал слабости Коммуны и Центрального комитета. Россель участвовал в заговоре против Коммуны.

² «Procès-verbaux de la Commune 1871», v. II, p. 299—301.

¹ Артур Арну, Мертвецы Коммуны, Екатеринбург 1921, стр. 5.

² «Протоколы Парижской Коммуны», т. I, стр. 230.

³ Там же, стр. 200.

⁴ Там же, стр. 230.

военного делегата Коммуны. Несколькими днями позже (16 мая) Коммуна установила для контроля над военными специалистами должность гражданских комиссаров при армиях.

В тот же день Делеклюз выступил со следующим воззванием к Национальной гвардии:

«Граждане!

Коммуна назначила меня делегатом в военное министерство; она считает, что её военный представитель должен быть штатским человеком. Если бы я считался только со своими силами, я бы отклонил это опасное поручение; но я рассчитываю на ваш патриотизм и надеюсь, что вы мне облегчите выполнение моего долга.

Вы знаете, что положение тяжёлое...».

Делеклюз закончил своё воззвание следующими словами: «Итак, граждане, крепко держитесь перед натиском неприятеля! Наши укрепления мощны, как ваши руки и сердце. Вы хорошо знаете, что вы сражаетесь за свою свободу и за социальное равенство — обещанное вам, но столько раз не дававшееся в руки!.. Вы победите! Весь мир созерцает ваши великодушные усилия и рукоплещет вам, готовясь праздновать ваш триумф — спасение всех народов мира!

Да здравствует всемирная республика! Да здравствует Коммуна!

Гражданский делегат военного министерства

Делеклюз»¹.

Свою деятельность военного делегата Делеклюз начал с попытки урегулировать работу военной администрации и установить строгий контроль над людьми и военными материалами.

Делеклюз немедленно взялся за сокращение чрезмерного числа штабных офицеров. Он затребовал у всех генералов в 24 часа список офицеров главного штаба, а также список лошадей и военных повозок. Однако всё это оставалось только на бумаге, так как приказы сыпались со всех сторон: и от Комитета общественного спасения, и от Центрального комитета Национальной гвардии, и от Комитета артиллерии, и даже от отдельных членов Коммуны.

¹ См. Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 108—109.

Уже 12 мая Делеклюз установил, что количество артиллеристов, получавших жалованье, значительно превышает число имевшихся орудий. По его приказу во дворе Военной школы был устроен смотр, и те артиллеристы (кроме занятых на посту), которые не явились, были лишены жалованья и пайка.

На другой день после своего назначения Делеклюз решил ознакомиться с нуждами обороны и с этой целью объехал линию боевых действий. После падения форта Исси форт Ванв был тоже оставлен войсками. Делеклюз приказал Врублевскому занять его во что бы то ни стало. Врублевскому удалось изгнать оттуда врагов штыковой атакой 187-го и 105-го батальонов. Со всех концов к Делеклюзу приходили просьбы прислать подкрепления людьми, оружием, снарядами, обеспечить крепостные валы орудиями. Делеклюз был вынужден одновременно решать множество самых разнообразных вопросов.

Между тем войска версальцев всё теснее сжимали Париж. После падения форта Исси коммунары под командой Брюнеля упорно боролись за селение Исси, прикрывавшее Севрские ворота. В ночь на 14 мая защитники форта Ванв были вынуждены покинуть полуразрушенный форт и уйти подземным ходом. Казематы были в развалинах, большая часть орудий не действовала. Канонерки, оборонявшие форты Исси и Ванв со стороны Сены, были вынуждены отойти в центр города. Одна канонерка погибла.

15 мая генералу Брюнелю пришлось оставить селение Исси, а затем и селение Ванв. На западном направлении версальцы продолжали сосредоточивать войска на правом берегу Сены; они перебросили пушки в Булонский лес и Виланкур, собрав на этом направлении до 80 орудий (в том числе 44 тяжёлых), и начали обстрел крепостного вала, чтобы пробить брешь. Но коммунары искусно отражали их огонь, удачно применяя электрические прожекторы. 18 мая Домбровский смелой атакой разрушил «апроши» (осадные сооружения) около Отей, Ла Сесилиа, перешёл в наступление по всему своему участку фронта, на юге Врублевский успешно продвинулся вперёд на левом фланге и поднял красный флаг в селении Шуази-ле-Руа. 20 мая военное министерство послало на фронт все последние изобретения (зажигательные бомбы, бомбы Орсини, бомбы с газом и т. д.). Предложение Домбров-

ского отступить на вторую линию фронта не встретило поддержки у Делеклюза.

Но, несмотря на свои действия и благие намерения, Делеклюз,— не обладавший военными знаниями, старик, здоровье которого было совершенно подорвано,— не справился с возложенными на него обязанностями. «Беспорядок в военной комиссии делал невозможным серьёзное сопротивление. Делеклюз внёс в неё только свою преданность. Этот человек, слабохарактерный, несмотря на кажущуюся непреклонность, поддался влиянию штаба...»¹. Впрочем к этому моменту военное положение Коммуны было уже настолько безнадежным, что не только Делеклюз, но вряд ли и какой другой военный руководитель мог бы спасти его.

Любопытно свидетельство одного американского журналиста, который описал свою встречу с Делеклюзом в эти дни под таким сенсационным заголовком: «Свидание с последним диктатором Коммуны. Уверенность в победе накануне гибели»². (Судя по содержанию интервью, оно относится к 12 мая).

«Перед пылающим камином сидел исхудалый, бледный старик с болезненной внешностью, лет 70 на вид, съжившись у огня в этот майский день, словно немощный инвалид в лютую зиму. Это и был недавно назначенный военный делегат Коммуны гражданин Делеклюз». Упомянув о последнем воззвании Комитета общественного спасения, в котором говорилось о раскрытии в связи с падением форта Исси контрреволюционного заговора, американский журналист попросил информировать его по этому поводу. «Что касается форта Исси,— ответил военный министр (Делеклюз),— то, собственно, он был уже настолько разрушен пруссаками во время осады, что не было никакой надежды удержать его; и надо ещё удивляться, что национальные гвардейцы так долго и героически его отстояли! Поэтому версальцам не приходится особенно гордиться этим успехом. Нет ни малейшего сомнения, что реакционная партия напрягает все свои усилия, чтобы победить,— но это им не удастся. Я несколько этого не опасаясь». По мере того как Делеклюз говорил, он снова оживал, забывая на время о своих болезнях. Делеклюз

говорил медленно, ясно, отчетливо, лишь на мгновение останавливаясь в конце каждой фразы. Очевидно, это человек умный и твердый в своих решениях. Видно, что он не остановится ни перед какими жертвами, чтобы обеспечить успех своих идей».

Журналист снова напомнил о предполагавшемся заговоре. «Об этом,— ответил Делеклюз,— я пока не могу вам ничего сказать. Но повторяю, что я несколько не опасаясь за судьбу Коммуны. Реакционеры, действующие внутри Парижа, сравнительно малочисленны. Нужды нет, что форт Исси взят, зато именно это обстоятельство вызвало в Национальной гвардии ещё больший подъём и готовность к вдвое большим усилиям. Она теперь знает, что в случае победы роялистов погибнет Париж и с ним вся Франция. Только сегодня утром национальные гвардейцы под командой Домбровского очистили Саблонвильский лес от версальцев».

Несмотря на уверенность в победе, звучавшую в этих словах, Делеклюз не сумел предпринять энергичных мер и улучшить положение на фронте. «Нет больше возможности удерживать позиции!» — зывали к нему Ла Сесилиа и Жоаннар¹ 20 мая. «Версальцы в ста метрах от ворот Сен-Клу», — писал 21 мая утром Домбровский, не перестававший просить подкреплений.

Несмотря на требования командующих армиями Коммуны, несмотря на предупреждения членов Коммуны, побывавших на позициях, Делеклюз вплоть до вторжения версальцев и даже после этого не признавал всей серьезности положения.

К сообщению Домбровского о вторжении версальцев Делеклюз отнёсся недоверчиво и безучастно. Даже в 11 часов вечера 21 мая в военном министерстве не верили в то, что версальцы уже в Париже.

Поверив ложной информации наблюдательного пункта Триумфальной арки (на площади Звезды), где, вероятно, сидели предатели, Делеклюз приказал 21 мая расклевть

¹ Жоаннар, Жюль (1843—1888) — комиссар Коммуны при генерале Ла Сесилиа. Рабочий по выделке искусственных цветов, член I Интернационала и один из организаторов секций. Капитан Национальной гвардии и член Коммуны. Сторонник «большинства». После падения Коммуны эмигрировал в Лондон, где вошёл в состав Генсовета I Интернационала. На Гаагском конгрессе 1872 г. голосовал за исключение анархистов Бакунина и Гильома из Интернационала.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 240.

² «New-York Herald Tribune», 26 mai 1871.

повсюду успокоительные объявления, отрицающие вступление неприятеля в пределы города. Странная, непростительная беспечность!

22 мая Делеклюз опубликовал прокламацию, которая разрушила одним взмахом всё то, что ещё оставалось от военной организации Национальной гвардии. «Довольно милитаризма! — взывал он. — Дайте место народу, бойцам с обнажёнными руками! Проби́л час революционной войны... Народ ничего не понимает в учёных манёврах. Но когда у него в руке ружьё, а под ногами — камни мостовой, он не боится никаких стратегов монархической школы!»

«Кто захочет повиноваться, — замечает в связи с этим Лиссагарэ, — когда сам министр с презрением говорит о дисциплине; кто захочет рассуждать, когда он с презрением отзывается о каком бы то ни было методе?»¹.

Этим был нанесён смертельный удар системе централизованной обороны. Силы сопротивления были окончательно дезорганизованы. Ещё губительней было распоряжение Коммуны, принятое по предложению Ф. Пиа 22 мая в 9 часов утра, о том, чтобы каждый член Коммуны направился в свой квартал. Вместо того чтобы сконцентрировать свои последние силы в одном месте, бойцам предлагалось каждому уйти в свой рабочий квартал. Сохранение территориальной самостоятельности батальонов, защищавших Париж, и разделение артиллерии по округам было колоссальной военной ошибкой Коммуны. Приказ идти в районы был явно на руку только врагу — версальцам, ибо распылял и без того слабые силы защитников Парижа.

В 5 часов утра 22 мая началось отступление Национальной гвардии; здание военного министерства было очищено. Делеклюз направил Брюнеля с его стрелками на площадь Согласия с приказом защищать её. Вооружённые всего несколькими пушками, они приступили к исполнению задания...

24 мая, в среду, борьба приняла особенно ожесточённый характер. Париж пылал. Беле посетил Ратушу и вёл переговоры с Делеклюзом об эвакуации из города женщин и детей.

«Мы думали об этом, — сказал Делеклюз, — но этого

нельзя осуществить. Не только улицы пересечены баррикадами, но некоторые места настолько опасны, что вести мимо них женщин и детей значило бы рисковать их жизнью. Кроме того, батальоны, охраняющие ворота, никого уже не пропустят!».

Затем Беле спросил Делеклюза, по чьему приказу произведены поджоги: по приказу Коммуны или Комитета общественного спасения?

«Ни то, ни другое, — ответил Делеклюз. — Согласно отданным приказаниям следует поджигать здания только в том случае, если пламя сможет реально содействовать сопротивлению обороняющихся коммунаров: это чисто военное мероприятие. Отданный мною приказ касается только домов, смежных с баррикадами, — но не больше того!»

В то же утро 24 мая 15 членов Коммуны, решившие сражаться до конца, постановили оставить Ратушу и отойти к зданию мэрии XI округа. Решение это было принято, несмотря на энергичный протест Делеклюза, считавшего, что отступление ещё более обескуражит сражающихся.

В библиотеке мэрии Делеклюз собрал некоторых офицеров и членов Коммуны, Комитета общественного спасения и Центрального комитета и своим слабым голосом, похожим скорее на шёпот, обратился к ним среди гробовой тишины. Он сказал, что не всё ещё потеряно, что нужно напрячь последние силы и держаться до последнего вздоха.

««Я предлагаю, — сказал Делеклюз, — чтобы члены Коммуны, опоясавшись своими шарфами, устроили на бульваре Вольтера смотр всем батальонам, которые можно собрать. Потом мы станем во главе их и поведём их на те пункты, которые нужно отбить назад».

Эта идея увлекла собрание... Перестрелка, пушечный грохот на Пер-Лашез, шум передвигающихся батальонов врывались в окна залы. Этот старик, не поколебавшийся при поражении, с горящими огнём глазами... эти вооружённые люди, рвущиеся в битву, задерживающие дыхание, чтобы выслушать предсмертное завещание старика — одна из самых трагических сцен среди тысячи трагедий этого дня...»¹.

Спешно сооружаются новые баррикады. Ужасная борьба продолжается. К вечеру 24-го в руках коммунаров

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 262.

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 284—285.

остаются только четыре округа (XI, XII, XIX и XX). В этот день версальцы устроили настоящую кровавую баню. Неслыханная жестокость требовала ответа. Таким ответом явился расстрел шести заложников в Ла-Рокетт.

25-го утром остатки батальонов Коммуны собрались у мэрии XI округа. В это утро здесь царил невообразимый хаос: во дворе мэрии, на площади Вольтера скопилось много телег, свалены были пороховые бочки. Большой парадный зал был переполнен ранеными и умирающими. Издали доносился гром канонады; трещали митральезы, свистели пули...

В мэрии Делекюз беседовал с Арнольдом, членом Центрального комитета, который сообщил ему следующее: секретарь посольства Соединённых Штатов предлагает посредничество прусского командования с целью спасти героических защитников Коммуны. Уступив настоянию товарищей, Делекюз отправляется для переговоров с пруссаками в сопровождении Вайяна, Вермореля, Арнольда и секретаря посольства Соединённых Штатов Уошберна.

В 3 часа дня делегация достигла Венсенских ворот.

«Делекюз,— рассказывал позднее Арнольд,— был по своему обыкновению в штатском, в цилиндре и сером пальто, с красным шарфом под сюртуком...

В тот момент, когда мы собирались пройти через подъёмный мост, дежурные гвардейцы решительно загородили нам дорогу. Мы стали указывать им на наши красные шарфы членов Коммуны.

— Нет! — заявили они. — Вы не пройдёте!.. Никто не пройдёт...

Делекюз настаивал: — Но я же гражданин Делекюз, военный делегат...

— Никто не выйдет отсюда. — И кто-то прибавил: — Мы пропали... Вы останетесь с нами.

...Мы решили тогда послать одного из наших в мэрию к Ферре за пропуском. В ожидании возвращения посланного Делекюз и все мы были отведены гвардейцами с примкнутыми штыками в некую виноторговлю на Тронной площади. Там Делекюз бросился на стул, сломленный, убитый горем и стыдом.

— Я не хочу больше жить! — повторял он. — Нет! Для меня всё кончено...

Мы не стали ждать приказа Ферре. Вернулись...»¹.

¹ Максим Вильом, В дни Коммуны, стр. 235.

Отчаяние и нестерпимый стыд сломили силы Делекюза. Делекюз не нашёл в себе мужества сражаться вместе с последней горсточкой храбрецов. Заподозренный, безвинно оскорблённый последними уцелевшими бойцами Коммуны, принявшими его за труса и дезертира, он мало-душно решил искать смерти.

Вернувшись в штаб, Делекюз написал два письма: одно — приятелю, которое заканчивалось словами: «Я рассчитываю на суд потомства и истории», второе — своей сестре.

Оба эти письма были вручены надёжному товарищу... Затем Делекюз обратился к Врублевскому, который только что вернулся с Бютт-о-Кейль, и предложил ему пост главнокомандующего. Но, узнав, что в распоряжении Коммуны всего-навсего несколько сот человек, Врублевский ответил, что при таких условиях он не может взять на себя ответственность и предпочитает попрежнему сражаться как простой солдат.

Внезапно у входа в мэрию Делекюз увидел знакомые лица, которых он никак не ожидал здесь видеть: это были друзья, не принимавшие участия в борьбе и ухитрившиеся пробраться сюда, чтобы уговорить его спрятаться у них в доме. Но Делекюз категорически отказался.

«Я не хочу,— сказал он,— чтобы обо мне говорили то же самое, что о спасшихся бегством. Я — военный делегат и останусь верным общей участи бойцов Коммуны»¹.

Повязав вокруг талии свой красный шарф, весь в чёрном по обыкновению (в шляпе, сюртуке), безоружный Делекюз, опираясь на свою трость, двинулся к площади Шато д'О в сопровождении Журда, Лиссагарэ и группы федератов.

«В 50-ти метрах от баррикады,— рассказывает бывший с Делекюзом Лиссагарэ,— горсть гвардейцев, которая шла за Делекюзом, останавливается, так как у входа на бульвар пули падают градом. За площадью село солнце. Делекюз, не обращая внимания, идёт ли кто-нибудь за ним, или нет, подвигается вперёд своим обыкновенным шагом — единственный живой человек на всём бульваре Вольтера»².

¹ Ch. Prolès, Les hommes de la Révolution de 1871. Charles Delescluze, p. 121—122.

² Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 296.

По пути Делеклюз и его товарищи встретили носилки, на которых несли тяжело раненного Вермореля.

«Дойдя до баррикады, он [Делеклюз] повернул налево и пошёл по мостовой. Последний раз его суровое лицо, окаймлённое короткой белой бородой, взглянуло на нас и обратилось к смерти. Вдруг Делеклюз исчез. Он упал убитым наповал на площади Шато д'О»¹.

Только через день, в субботу 27 мая, тело Делеклюд было обнаружено в груде трупов и перенесено в церковь св. Елизаветы, где оно лежало два дня. Делеклюз был похоронен на Монмартрском кладбище несколько времени спустя. 26 ноября 1883 г. прах Делеклюд был вырыт и перенесён на кладбище Пер-Лашез.

Так кончил свою жизнь Делеклюз — лучший из представителей мелкобуржуазной партии «неоякобинцев».

Хотя он и не разделял вначале всех стремлений борцов Коммуны, хотя главные из этих стремлений противоречили тем политическим и социальным убеждениям, которым была посвящена вся его жизнь, тем не менее нужно воздать ему справедливость: он честно и добросовестно старался понять программу Коммуны и поддержал её.

Именно то обстоятельство, что Делеклюз поддержал программу Коммуны, каких бы тяжёлых усилий это ему ни стоило, что он мужественно и сознательно шёл нога в ногу с прочими деятелями Коммуны, — всё это заставляет нас с тёплым чувством вспоминать о коммунаре Делеклюдзе и об его трагической гибели.

«Молчаливый, доверяя только одной своей суровой совестью, он шёл на баррикаду, как старые монтаньяры шли на эшафот. Долгие дни жизни истощили его силы. Ему оставался один вздох жизни: он отдал его Коммуне»².

¹ Э. Лиссагарэ, История Коммуны 1871 года, стр. 296.

² Там же.